

Пришвин на Переславщине

Трижды побывал Пришвин на Переславщине: в 1925—1926, 1935 и 1941—1943 годах. В первый приезд поселился на берегу Плещеева озера в исторической усадьбе-музее Петра Первого «Ботик» и стал заведовать био- и метеостанциями. Потом писатель приезжал в село Усолье, отказавшись от эвакуации в глубокий тыл. Потому-то переславцы считают Михаила Михайловича своим земляком. с. 177

Переславлю-Залесскому и его окрестностям Пришвин посвятил новеллы, фенологические заметки, очерки, повести и рассказы, объединённые в циклы «Родники Берендея», «Календарь природы», «Соловей», «Кладовая солнца», «Корабельная чаша» и другие. В художественных образах запечатлены окрестности: усадьба «Ботик» и Гремячья мельница, Рыбная слобода и село Городище, Берендеево и Блудово болота, озера Плещеево и Сомино, реки Трубеж, Вёкса, Большая и Малая Нерли, Кубря. На Кубре есть красивейшее место, прозванное народом «Омут Пришвина».

Местные жители узнавали в заядлом охотнике Ёжке одержимого той же страстью Георгия Фёдоровича Александрова, а в рассказе «Как заяц сапоги съел» в образе Филата Антоновича Кумачёва выведен маг и волшебник охоты Фёдор Андреевич Кумашенский: «рост — колокольня, плечи — косая сажень, ну, глаз, вы знаете, у него один, другой выбило пистонем, одноглазый великан». И тем не менее он охотился на волков с мотоцикла.

И взрослые и маленькие читатели хорошо знают детей Настю и Митрашу из «Кладовой солнца» и «Корабельной чаши». Как ни странно, в них угадываются Анастасия и Дмитрий Коршуновы — взрослые жители села Усолья, друзья писателя по «Ботику», служившие смотрителями музея. Художественным домыслом Пришвин превратил их в детей, придав типично переславскую фамилию — Весёлкины.

Часто Пришвин не меняет имён и фамилий изображаемых им людей. В новелле «Весна воды» он писал: «В этот год, когда моя земля отдыхает, я не буду ничего придумывать: буду писать, не переменяя на свой лад имён...» И пишет реалистично, с меткими характеристиками. Вот, к примеру, Михаил Иванович Смирнов — основатель и первый директор Переславского музея: «Этот историк — отличный хозяин и своего рода переславский собиратель земли, а главное, великоросс: может представить картину и на широкой воле и, когда нужно, вильнуть по узенькой тропинке». Или энтомолог Геммельман: «грузный, весь заросший волосами, сам похожий на большого буюна, учёный, честный, способный Сергей Сергеевич...» В музее есть фотография, сделанная писателем: С. С. Геммельман на лугу за ловлей жуков.

Пришвину принадлежит фраза, сказанная о переславском Спасо-Преображенском соборе XII века и ставшая хрестоматийной: «...вокруг этого старого собораросло столько церквей и монастырей, что с небольшими перерывами здесь можно, изучая памятники, век за веком представить себе почти всю русскую историю».

В Усолье писатель жил в доме местного леспромхоза. «Перед домом — вышка для наблюдения над лесными пожарами, высотой в двадцать два метра, — записывает он. — Мы туда, прежде всего, и забрались. Солнце было, но и туман не совсем разошёлся. Смутно виделся Переславль, Плещеево озеро с одной стороны и с другой — Семино (так Пришвин называл озеро Сомино) и река Вёкса, соединяющая оба озера».

В третьем номере журнала «Человек и закон» за 1973 год был опубликован очерк из литературного наследия Михаила Михайловича «Охрана природы», где он горячо отстаивал вековой сосновый бор, знаменитую «Берендееву чашу», от хищников-порубщиков. Благодаря хлопотам писателя удалось сохранить часть бора. Тогда, в Усолье, я и познакомился с ним, навсегда сохранив в себе его образ.

с. 178

Во второй свой приезд в Усолье Пришвин остановился у своего давнего приятеля П. М. Назарова, с которым познакомился лет шестнадцать тому назад во время этнографической и археологической экспедиций по Переславскому краю. О встрече с писателем Назаров рассказывал в своём дневнике: «Я работал фотографом... Вдруг стучатся. Открываю: батюшки, Михаил Михайлович! На дороге машина. Сам весь в пыли. „Павел Михайлович, — говорит, — выручайте. Я узнал, что вы здесь — и к вам. Пускайте, — говорит, — меня к себе. Я к вам с семьёй. Эвакуироваться далеко не хочу. Останусь поближе к Москве“. Ну, как мне было не принять!..»

В 1942 году в усадьбу «Ботик» привезли ребятишек из блокированного фашистами Ленинграда. Переславцы окружили их заботой. Неутомимый Михаил Михайлович в свои семьдесят лет восемнадцать километров проходил пешком — автомобиль его стоял из-за отсутствия бензина, — чтобы наблюдать за жизнью малышей. И появилась серия душевных рассказов о ленинградских детях, объединённых под названием «Соловей».

Писатель остался верен себе: не менял ни имён, ни фамилий. Это-то и помогло впоследствии А. Л. Барто, организовавшей радиопередачи «Найти человека», разыскать девочку-испанку Марию-Терезу Рыбакову, эвакуированную из Ленинграда в Переславль-Залесский.

М. М. Пришвин скончался 16 января 1954 года. Его хоронили на Введенском кладбище в Москве. На траурном митинге, который открыл А. А. Сурков, выступали Вс. Иванов, Н. Задорнов, Н. Осипова. Я тоже говорил от имени переславцев.

В середине 1957 года ко мне приехал директор переславского музея К. И. Иванов.

— Конечно, — рассуждал Константин Иванович, — книги и документальные фотографии, подаренные Пришвиным, очень ценны, но их маловато для экспозиции, надобно иметь пришвинские личные вещи...

И мы направились в Лаврушинский переулочек к вдове писателя Валерии Дмитриевне Пришвиной. Она встретила нас радушно, но затруднилась в выборе вещей.

— Понимаете, — сказала она, — Михаил Михайлович последнее время летом жил на нашей даче в Дунине, неподалёку от Звенигорода. Там я думаю открыть музей его имени. А вам ведь нужны вещи по обиходу переславские...

Результатом этого «похода» были новые издания произведений М. М. Пришвина, его халат из деревенской крашенины, изготовленной в деревне Хмельники, а сшила его в Усолье А. Коршунова, охотничья куртка, в которой он бродил по переславским лесам, множество фотографий самого писателя и Валерии Дмитриевны, снятых в окрестностях, и сапожные колодки с надписями чернильным карандашом московского мастера Е. Павлова о том, что по ним были сделаны в марте 1934 года охотничьи сапоги для С. М. Кирова, а в 1937-м — для М. М. Пришвина.

Немного времени спустя профессор Г. Б. Смирнов, ученик академика Д. Н. Кардовского, подарил портрет писателя, сделанный им с натуры в 1952 году на московской квартире Пришвина, в его рабочем кабинете.

А с 1965 года одна из улиц Переславля-Залесского стала носить имя друга и певца русской природы.

С. Васильев